

А. В. Ведерников

РЕЛИГИОЗНЫЕ
СУДЬБЫ ВЕЛИКИХ
ЛЮДЕЙ РУССКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
МОСКВА • 2014

УДК 252.4
ББК 86 372
В261

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 14-409-1023*

Ведерников А. В.

В261 Религиозные судьбы великих людей русской национальной культуры. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. — 624 с.: ил. ISBN 978-5-88017-462-1

Книга А. В. Ведерникова «Религиозные судьбы великих людей русской национальной культуры» представляет собой курс лекций по истории русской религиозной мысли, прочитанный автором в 1944–1948 годах в Православном богословском институте, преобразованном затем в Московскую Духовную Академию.

История религиозной мысли рассматривается в хронологических рамках XVIII–XIX веков, через повествование о жизни и судьбах наиболее выдающихся представителей русской культуры. Автор предлагает читателю установить живую связь с носителями религиозного сознания в прошлом ради обогащения и расширения нашего собственного религиозного сознания. Раскрывая религиозный мир великих людей, А. В. Ведерников указывает пути, на которых силою благодати Божией совершается спасение человека для вечности. Приобретая умение проникать в природу греховных искушений, мы учимся успешнее бороться за восстановление нравственного достоинства личности в себе.

Книга будет интересна не только студентам духовных школ, но и широкому кругу читателей.

Лекции печатаются без изменений, в том виде, в котором подготовил их сам А. В. Ведерников.

УДК 252.4
ББК 86 372

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2014
© Ведерников Н. А., 2014

ISBN 978-5-88017-462-1

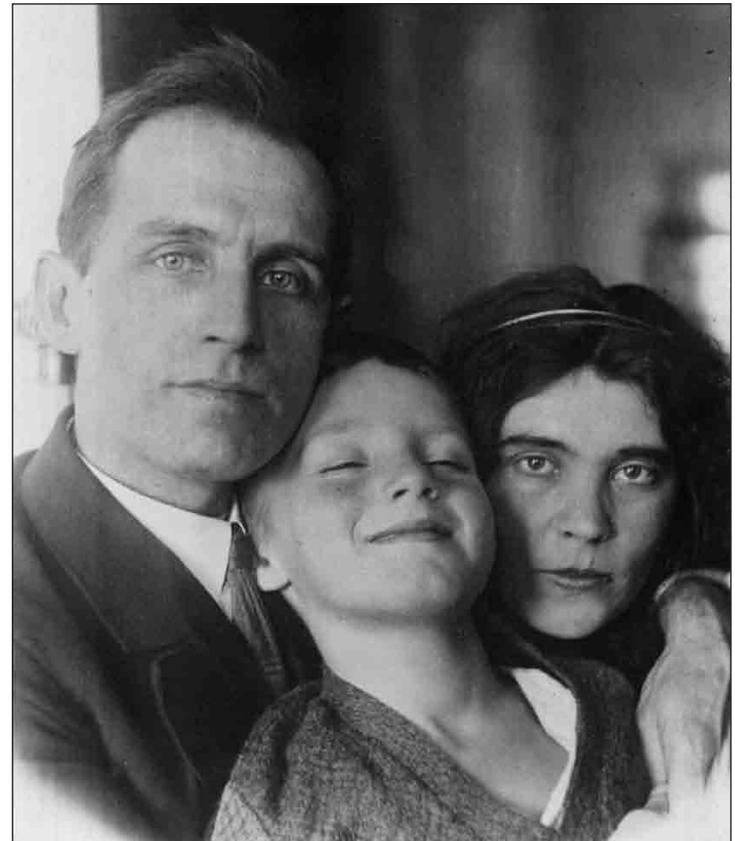
А. В. ВЕДЕРНИКОВ И ЕГО КУРС ИСТОРИИ
РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

Семьдесят лет назад, в 1944 году, Анатолий Васильевич Ведерников приступил в только что возрожденной духовной школе к чтению курса лекций по истории русской религиозной мысли. Следует напомнить, что это было за время. Еще шла Великая Отечественная война, менее года назад государственная хватка на горле Церкви чуть ослабла, она словно «вышла из подполья», в одночасье получив патриаршее возглавление, разрешение открыть многие оставшиеся неразрушенными храмы и монастыри, возродить общецерковный «Журнал Московской Патриархии», воссоздать духовное образование. Но жесткий идеологический диктат в стране никто не отменял — книги по христианству, даже Евангелие, давно были изъяты из библиотек, нельзя было и купить их в книжных магазинах, даже букинистических.

Тем удивительнее кажется поддержанная Священноначалием инициатива одного человека — причем даже не клирика, а простого мирянина, — обратиться к истории нашей Церкви с целью «установить живую связь с выдающимися представителями религиозного сознания в прошлом ради обогащения и расширения нашего собственного религиозного сознания», ибо, «постигая тот же религиозный опыт в других, мы тем самым усиливаем, укрепляем, обогащаем и свой собственный...». И прежде чем говорить о самом курсе истории русской религиозной мысли, скажем несколько слов о его авторе — Анатолии Васильевиче Ведерникове.

Он родился в 1901 году в простой и глубоко верующей крестьянской семье Тверской губернии. Его отец, как тогда говорили, выбился в люди и стал столяром-краснодеревщиком столь высокого уровня, что получал даже высочайшие заказы из Петербурга. От отца на всю жизнь Анатолий Васильевич унаследовал любовь к ремеслам, бережно храня инструменты отца и никогда не упуская случая смастерить что-либо своими руками. Кстати, не случайно в своем курсе Ведерников уделяет немало места жизни и трудам малоизвестного ныне писателя первой четверти XVIII века Ивана Тихоновича Посошкова: видно, что к личности этого замечательного по дарованиям человека, вышедшего из крестьянской среды, но самообразованием поставившего себя на уровень деятелей Петровской эпохи, автор относится с особой любовью, по-видимому, усматривая в его жизненном пути и религиозных установках параллели со своей жизнью.

Высшее образование Ведерникову пришлось получать уже в советское время, и не без трудностей: ведь по ведомостям новой власти он числился «сыном середняка» и дорога в государственные вузы была для него заказана. Однако ему удалось поступить на литературное отделение частного Московского института слова, в профессорско-преподавательской корпорации которого в то время состояли такие известные люди, как философ Николай Александрович Бердяев, литературовед Сергей Константинович Шамбинаго, критик Юлий Исаевич Айхенвальд и многие другие, преподававшие одновременно и в Московском университете. Таким образом, Анатолий Васильевич получил фактически университетское образование, защитив в 1924 году кандидатскую диссертацию «Природа поэтического образа».

А. В. Ведерников с супругой и сыном. 1930-е

Но прошло почти двадцать лет (в течение которых Ведерников работал в различных светских учреждениях, занимаясь, главным образом, учебными и методическими вопросами, связанными с преподаванием русского языка), прежде чем он смог применить свои знания для служения Церкви. Через месяц после интронизации новоизбранного Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского) началась подготовка к открытию в Новодевичьем монастыре Православного

богословского института и Пастырско-богословских курсов, преобразованных через два года соответственно в Московские Духовные Академию и семинарию. 19 октября 1943 года Ведерников был зачислен в штат возрожденных духовных школ. С самого их открытия (а занятия начались летом следующего, 1944 года) Анатолий Васильевич выполнял обязанности инспектора и секретаря правления этих школ. Но он отнюдь не ограничивался организационно-административной деятельностью, но и преподавал сам: в течение почти пяти лет читал в Академии курс истории русской религиозной мысли. Когда в 1947 году при Московской Духовной Академии была образована аттестационная комиссия, автору курса было присвоено звание доцента, которое и было утверждено Святейшим Патриархом Алексием I, однажды лично удостоившим Ведерникова посещением его лекции.

* * *

Историю русской религиозной мысли Ведерников рассматривает в хронологических рамках XVIII — первой половины XIX века. Материал он излагает не отвлеченно, но главным образом через повествование о жизни и судьбах наиболее выдающихся представителей этой мысли. Из деятелей XVIII века это архиереи времен Петра I митрополит Стефан (Яворский) и архиепископ Феофан (Прокопович), святитель Тихон Задонский, митрополиты времени Екатерины II Гавриил (Петров) и Платон (Левшин), преподобный Паисий (Величковский), первый русский публицист Иван Тихонович Посошков, издатель Николай Иванович Новиков и два выдающихся поэта этого века: Михаил Васильевич Ломоносов и Гаврила Романович Державин. XIX век в лекциях

Ведерникова — это святитель Филарет Московский, славянофилы Иван Васильевич Киреевский и Алексей Степанович Хомяков, поэты Василий Андреевич Жуковский и Александр Сергеевич Пушкин.

Прежде всего следует отметить новизну самого предмета, отсутствовавшего и в учебной программе дореволюционной Академии. Не было, следовательно, ни установившейся традиции преподавания, ни соответствующих учебных пособий.

Конечно, современный читатель без труда заметит, что курс А. В. Ведерникова типологически сходен с известным трудом протоиерея Георгия Флоровского «Пути русского богословия», опубликованным в Париже в 1937 году. Однако был ли знаком с этой книгой Ведерников в 1944 году — большой вопрос: выборочное сравнение одинаковых мест в обеих книгах показывает, что, скорее всего, такого знакомства не было. В любом случае курс Ведерникова написан совсем в других условиях и адресовался другому кругу читателей. Тем не менее и ему, как и его знаменитому предшественнику, удалось сделать обзор главных достижений русских мыслителей, «пройти по вершинам человеческого духа, из которых каждая есть человек с его стремлением к Высшему Началу Бытия, с его неугасимым желанием установить свое постоянное отношение к Богу».

Говоря об ученых (Ломоносове) или о поэтах (Пушкине), Ведерников останавливается не только на их научных или литературных достижениях, но и на религиозной судьбе этих людей, на тех путях, «на которых силою благодати Божией совершается спасение человека для вечности». Тот факт, что величайшие представители русской культуры в большинстве своем были религиозны, с точки зрения автора имеет громадное значение для освещения и оценки

исторических путей нашего народа. При этом, прослеживая жизнь своих персонажей, Ведерников в необходимых случаях не закрывает глаза и на свои собственные им ошибки, на их взлеты и падения, анализ которых позволяет, «проникая в природу греховных искушений, успешнее бороться за восстановление нравственного достоинства личности в себе и в других».

Автор отправляется от реформ Петра I, которые имели целью преодолеть национальную замкнутость России; в ходе их проведения часть русского общества вступила в непосредственное соприкосновение с западным миром. При этом русским людям трудно было удержаться от невольного преклонения перед иностранной образованностью, от увлечения иноземной культурой. В результате вместе с усвоением полезных достижений Запада Россия испытала определенное повреждение своей веры, и ее культурный правящий слой стал отходить от Православной Церкви. Поэтому главным делом жизни выдающихся людей России того времени стала борьба за веру в ее православном понимании, но борьба, не исключавшая, а, напротив, предполагавшая просвещение.

Эту борьбу Ведерников рассматривает на примере противостояния двух выдвинутых Петром I иерархов — Патриаршего Местоблюстителя митрополита Стефана Яворского и архиепископа Новгородского Феофана Прокоповича. Оба они имели западное образование, для получения которого вынуждены были на время принять католичество. Особенно большими дарованиями и многосторонней ученостью обладал Феофан, что и сблизило его с великим преобразователем, сделав ближайшим сподвижником императора. Но увлечение Феофана европейской наукой доходило до крайности

самоуничужения и низкопоклонства, а его рационализм в области веры имел следствием тяготение к протестантству.

Что же касается Стефана Яворского, то он явил себя безусловным противником протестантских мнений и тех нововведений, которые угрожали православной вере. Однако, будучи учеником католической школы, в своей полемике против протестантизма (особенно в знаменитом сочинении «Камень веры...») он пользовался аргументами, отточенными в борьбе католиков с протестантами. А потому с него в отечественной богословской мысли ведут свое происхождение элементы латинские, схоластические, тогда как с Феофана Прокоповича — элементы протестантские. Преодоление этих чуждых влияний схоластики и рационализма впоследствии стало одной из главных задач православного богословия.

Целых четыре лекции Ведерников уделяет в своем курсе жизни и трудам Ивана Тихоновича Посошкова, автора сочинения «О скудости и богатстве», отчего его называют первым русским экономистом (для сравнения — в «Путиях русского богословия» Посошкову отведено всего полстраницы). Ревнитель Петровских преобразований, Посошков входил в «ученую дружину» царя и подготовил ряд экономических проектов («О новоначинающихся деньгах» и др.); но он был и верным сыном Церкви, не считавшим возможным отречься ради преобразований от отеческой веры. Из богословских сочинений Посошкова Ведерников подробно рассматривает «Зерцало очевидное...» — обширный полемический трактат, первая часть которого направлялась против раскольников, вторая же — против лютеранства. Это были две опасности, угрожавшие в то время Русской Церкви: раскол как неразумное стояние в старине,

как протест любым преобразованиям, и иноверие и вольнодумство (в частности — лютеранство) как противоположность косности и консерватизма. Говоря о первой части труда Посошкова, Ведерников попутно разбирает и другие важнейшие сочинения противораскольнической литературы того времени, в том числе «Жезл правления» Симеона Полоцкого, «Увет духовный» патриарха Иоакима, «Пращица духовная к раскольникам, иже бестудне хулами насакают на Церковь святую» Питирима, епископа Нижегородского, и «Розыск о брынской вере» святителя Димитрия Ростовского. Труд Посошкова заслужил высокую оценку со стороны святителя Димитрия, но, к сожалению, при его жизни не был опубликован.

По убеждению Посошкова, раскол есть порождение религиозного невежества, превратного понимания Священного Писания, действие духа гордости и самомнения; самым же верным средством против раскола он считал религиозное просвещение. Обличая раскольников, Посошков порой допускал в пылу полемики резкие слова, но тут же просил у обличаемых прощения за «суровые глаголы», не желая никого оскорблять и проявляя истинно христианское смирение. Эти извинения представляются в глазах Ведерникова необычными, несвойственными эпохе, свидетельствующими о высоком духовно-нравственном уровне полемиста.

В лютеранстве же Посошков видит «облегченную» религию, практикующую потакание чувственным инстинктам человеческой природы, не стесняющую комфортной и благополучной европейской жизни, далекой от евангельских идеалов, — отсюда пренебрежение к церковным обрядам, постам и т. п. И Посошков предчувствует, что от заразы

лютеранства недалеко и до атеизма. К сожалению, пишет Ведерников, это предчувствие оказалось пророческим, и дальнейшая история русской религиозной мысли показала, как идеи протестантизма, сущность которых и заключается в крайнем свободомыслии и религиозном вольнодумстве, овладев сознанием нашей интеллигенции, привели сначала к индифферентизму в отношении к отечественной вере, затем к пренебрежительному отношению к Православной Церкви, к отрицанию ее установлений, а впоследствии и к полному безбожию.

Переходя ко времени императрицы Елизаветы, которая отличалась искренней набожностью и покровительствовала Церкви, Ведерников отмечает, что ее царствование для Русской Церкви было благоприятным по сравнению с предшествующей эпохой открытого господства немецкой партии, особенно при Бироне, не скрывавшем своих симпатий к протестантизму. Тогда среди русских иерархов стали появляться высокообразованные архиереи, получившие образование или в Московском университете, или за границей. Однако никто из них не проявил себя в области религиозной мысли, блистая более красноречием, ибо, по мысли автора, преуспевание материальное не способствует созидательной работе в области духовного.

Этот тезис иллюстрируется на примере проповеди в рассматриваемую эпоху. Конечно, проповедники времен Елизаветы обличали неверие, вольнодумство и распущенность нравов, но силу своего таланта направляли, главным образом, на возможно более яркое изображение человеческих грехов, для чего использовали различные стилистические украшения. Таковы, например, проповеди епископа Гедона (Криновского), напоминавшие сатиры Кантемира

и Сумарокова. Вместе со словами Священного Писания владыка часто цитировал греческих философов, приводил имена мифических героев древности, использовал выражения, не свойственные церковному языку, называя пророка Моисея генералом, христиан — гвардейцами Царя Небесного и т. д. Все это делало проповедь более занимательной, чем душеполезной, «доставляло слушателям приятное, но бесплодное для духовной жизни развлечение».

Немалое место в своем академическом курсе Ведерников отводит рассмотрению мировоззрения первого русского ученого М. В. Ломоносова, величие которого, по мысли автора курса, заключается в том, что, усвоив положительные элементы западноевропейской культуры, подняв русский ум на высоту научного мирозерцания, он остался верным сыном Церкви. Ломоносов считал знание и веру родными сестрами, дочерьми одного Всевышнего Родителя. Обладая внутренней цельностью, он и в жизни, и во всех своих сочинениях нашел точку равновесия между религией и наукой, рассматривая их как две силы, действующие в разных плоскостях, но направляющие человека к единой цели. Очами веры и науки смотрел Ломоносов на мир Божий, говоря, что перед ним всегда открыты две книги: Евангелие, где он читает волю Божию, и природа, которая для него является тоже Евангелием, благовествующим о творческой силе и величии Творца. И чем глубже проникает разум в законы природы, тем больше сердце человеческое исполняется благоговения перед Создателем мира, перед премудростью Божией. Ибо в познании причин природных явлений нам открывается Творец как Первопричина всего существующего. Поэтому служение науке было для Ломоносова таким же «религиозным

деланием», как и творчество во многих других областях знания, литературы и даже искусства. Но не только законы природы являют для нас действующую в мире волю Божию — не менее ясно она открывается также в Священном Писании, в котором Бог предстает не только как Демиург, но и как благодеющий человеку Спаситель. Ведь разумение Писания приводит нас к добродетельной жизни, ценность которой заключается в согласии с волей Божией, причем в исполнении Божественной воли человек и находит подлинную свободу духа.

Мысль о внутренней согласии религии и науки, так разобщенных и враждующих в сознании безрелигиозном, была для Ломоносова важнейшей: рознь этих коренных начал человеческого духа он ощущал как грех и болезнь, как нарушение его цельности. «Тупа самонадеянность человеческого разума, — пишет А. В. Ведерников, — и сомнительна его наука без разумения Божественной истины. Таков вывод из мировоззрения нашего первого и православного ученого».

Переходя далее к рассмотрению религиозного состояния русского общества в эпоху Екатерины II, Ведерников предваряет его обзором возникших в то время на Западе идей «просвещения». По мысли автора курса, эти новые идеи появились не случайно: они были вызваны к жизни накопившимися в прежнем религиозно-церковном, государственно-политическом и общественном строе Европы злоупотреблениями и недостатками; в сфере религиозной в народе господствовало грубое суеверие, в католическом духовенстве — фанатизм и нетерпимость; в области государственной — неограниченный деспотизм власти, беззаконие чиновников, угнетение бедных со стороны богатых; в общественной и частной жизни — испорченность нравов и открытый разврат.

Новая европейская философия резко обличала эти пороки. Вместо религиозного фанатизма она проповедовала веротерпимость и свободу совести, вместо деспотизма и абсолютизма — гуманизм, свободу, равенство и братство между людьми. Под влиянием идей Руссо, восставшего против роскоши, изнеженности и испорченности нравов, явилась новая наука о воспитании, основанная на началах свободы, простоты и естественности и обещавшая перевоспитать человечество.

Теоретические идеи с воодушевлением принимались людьми, которые были недовольны существующим порядком. Но в реальных условиях невежества и грубых нравов общества проведение этих идей в жизнь оказалось невозможным и привело совсем к иным, плачевным результатам. Так, высокая идея веротерпимости имела следствием полное равнодушие ко всякой религии; из идеи разумного отношения к предметам веры (которое должно было удержать человека от религиозного фанатизма и суеверий), перенесенной на недоступные для разума предметы Откровения, образовалась естественная религия разума (деизм), которая была поставлена на место христианского Откровения; а отсюда уже недалеко было до материализма и атеизма.

Говоря об усвоении этой философии русским обществом, в то время в значительной своей массе еще весьма невежественным, Ведерников отмечает, что ее положительная, гуманная сторона влияла на него слабо, зато отрицательная — принималась с восторгом. Кощунственное отношение Вольтера к религии и Церкви легко усваивалось русскими современниками, породив в обществе религиозное вольнодумство и скептически легкомысленное отношение к предметам веры и нравственности.

Этому содействовали и условия тогдашнего воспитания молодежи, которое осуществлялось приглашаемыми домашними учителями-иностранцами и было лишено всякого национального и религиозно-нравственного характера. Отрицательного влияния французской философии не избежали и многие серьезные представители русского общества екатерининского века, в юные свои годы пережившие увлечение вольтерьянством.

Результатом этого влияния стало всеобщее пренебрежение к таким установлениям Церкви, как пост, богослужение, долг христианской исповеди, причащение и т. п. — все это стало считаться предметами устаревшими, отжившими, недостойными для просвещенных людей. Пренебрежение высказывалось и к церковным канонам: не случайно в годы правления Екатерины II на пост обер-прокурора Синода назначались чиновники неправославные (И. И. Мелиссино) или даже вовсе неверующие (П. П. Чебышев). Еще одним следствием увлечения вольтерьянством стало распространение безнравственности в жизни русского высшего общества.

Конечно, Церковь не могла остаться в стороне от этих пагубных явлений русской жизни, и Ведерников повествует о борьбе с ними образованных архипастырей того времени, неустанно обличавших заблуждения и пороки современного им общества. К наиболее ярким проповедникам Слова Божия, потрудившимся в борьбе с вольнодумством своего времени, Ведерников относит митрополита Московского Платона (Левшина). Всем явлениям современной ему жизни митрополит Платон давал свою оценку в проповедях, на всякий запрос времени отзывался своим религиозным мнением, всегда ясным, убедительным и безусловно церковным.

Начитавшись Вольтера и энциклопедистов, русские вольнодумцы нападали на Церковь, выставляя ее помехой просвещения и поборницей невежества. В ответ на эти нападки митрополит Платон в своих проповедях говорил, что общество без Церкви существовать не может, что законы гражданские утверждаются на основании Закона Божия, что если в обществе не будет истинных христиан, то в нем не будет хороших и честных граждан. Духу западного свободомыслия он противопоставлял дух истинной православной церковности, вольнодумному рассудку — высшую разумность веры, показывая значение и необходимость каждого догмата, каждого церковного Таинства, указывая ясные следы творческого разума в мире, защищая и объясняя учение о бессмертии души и загробной жизни.

О ложном просвещении как источнике современного ему неверия русского общества митрополит Платон говорил: «Кажется, некоторый век столько не был несчастлив самомнительною и дерзостною ученостию, сколько нынешний... Никогда столь смело не было рассуждаемо и говорено о вещах веры святейших. Таинственные истины кладутся на слабые веса рассудка человеческого. Едва ли какой разговор почитается сноснее или еще приятнее, как тот, в котором с посмеянием перетолковываются установления Церкви, предания древнейших веков, дражайший залог наших почтеннейших предков... Оставляю доказывать, сколько таковые рассуждения суть неосновательны и ложны: да и не имею нужды доказывать...»

Митрополит бичевал и нравственно-распущенную жизнь многих представителей тогдашнего высшего общества, для которых неверие было лишь удобным предлогом к оправданию такой жизни:

«Известно, что развратности нравов ничто не есть столь противно, как вера. Ибо она препятствует прихотям, постыждает страсть, у склонностей плотских отнимает волю. Развращенная душа на таковое светило смотрит с отвращением: болезненным ея очам свет ея противен... Почему, дабы себя из сих затруднений извлечь, старается ото всюду себя заградить, чтобы спасительное ея напоминание к ней не доходило; а когда б и дошло, то меньше б действовало; то выдумывает разные сумнения, смешные заключения и оные присвоает святости веры, дабы она тем отвратительнее ей казалась и, следовательно, тем бы меньше препятствовала поступать по своим прихотям». Впрочем, владыке, который был придворным проповедником, всегда удавалось соблюдать в своих проповедях необходимое чувство меры, поскольку открытая борьба с пороками высшего общества вызвала бы только резкое недовольство против него и привела бы к его скорой отставке.

Если митрополит Платон был близок к верховным властям России, то святитель Тихон Задонский Промыслом Божиим был поставлен в непосредственную близость к простому народу, из которого он и вышел. Владыка не щадил трудов для улучшения нравов и обычаев своей паствы. Он открывал училищные курсы для детей бедного духовенства, заботился о просвещении и самого духовенства, стараясь поднять его из того униженного состояния, в котором оно тогда находилось; он защищал духовенство от своеволия различных казацких начальств и других светских лиц, требовал от духовенства произнесения катехизических поучений и говорил такие поучения сам; на помощь узникам и беднякам тратил все свои средства, боролся с остатками языческих обрядов в народе.

По слабости здоровья святитель ушел от управления епархией на покой и более пятнадцати лет прожил простым иноком в Задонском монастыре, не переставая служить делу спасения многих душ своими писаниями. Об изданных им в период уединения в Задонском монастыре книгах — «Об истинном христианстве», «Сокровище духовное, от мира собираемое» и других — Ведерников говорит, что это уже не сочинения, а духоносные творения, которые можно причислить к лучшим образцам русского святоотеческого богословия. Они показывают, что здравый, прямой и практический ум святителя не был испорчен господствовавшей в то время схоластикой, не увлеклся диалектической изощренностью: он не стремился показывать читателям красоту слога, а всегда имел в виду лишь выяснить взятую для изучения богословскую мысль по разуму Православной Церкви, выяснить как можно короче, доступнее для всех, даже для самых простых слушателей. Главное же — что его слово никогда не расходилось с делом жизни, которая и была наиболее совершенным выражением религиозной мысли «пастыря предоброго».

В то же екатерининское время в Россию вместе с вольтерьянством перекечовало и масонство — новый противник Церкви, более тонкий и опасный, чем открытое безбожие. Масонство было протестом против рационалистических и материалистических идей просветительской философии XVIII века, противоположностью тому гимну разуму, который она воспевала. Действительно, помимо разума в жизни человека господствует и сердце с особым, таинственным миром переживаний, дающее возможность и радость мистического постижения Бога. Подобное устремление человека к непосредственному соединению с Божественным миром является

необходимым элементом религии, но, отклоняясь от ее целокупного состава, переходит на зыбкую почву субъективных переживаний, при которых человек легко может впасть в прелесть.

Масонство стремилось создать братство между людьми, основанное на учении о свободе совести и любви; от поступавшего в это общество требовались только вера в Бога, бессмертие души, воздаяние за гробом и начала нравственного закона, которые и привлекали в то время лучших русских людей из самых высших сословий, считавших, что нравственная сторона масонства вполне согласуется с христианским учением; до занятий же магией и каббалой они не доходили, поскольку пребывали еще на начальных степенях посвящения.

Русское масонство воспитало в своей среде много выдающихся деятелей, впоследствии прославившихся на различных поприщах служения России. Оно объявило борьбу с философией энциклопедистов и той нравственной распущенностью, которую производила эта философия в русском обществе. Таким являло себя масонство в эпоху наибольшего своего развития, когда к числу его главных деятелей принадлежали Н. И. Новиков, И. Е. Шварц, И. П. Елагин, И. В. Лопухин, С. П. Гамалея и другие. Многие из них были глубоко и православно верующими людьми, хотя и состояли в тайной масонской организации и действовали во имя ее туманных, не совсем ясных и для них идеалов. «Можно думать, — отмечает Ведерников, — что масонство служило для них только удобной формой выявления общественной инициативы, столь нетерпимой в екатерининское время».

Автор курса особенно подробно останавливается на деятельности Николая Ивановича Новикова и Ивана Георгиевича Шварца, имевшей

преимущественно просветительный и религиозно-филантропический характер в христианском духе, хотя и не в строго церковных формах. Так, Н. И. Новиков был одним из самых замечательных литературных и общественных деятелей екатерининской эпохи. Он издавал журналы сатирические («Трутенъ» и др.), в которых порицал низкопоклонство перед всем заграничным, восставал против крепостного права, против взяточничества судей, против недостатков домашнего воспитания и школьного образования), научные («Санкт-Петербургские ученые ведомости», первый критико-библиографический журнал, имевший целью сблизить русскую литературу и науку с ученым миром Запада), философские («Утренний Свет»); он выпускал первый в России детский и первый женский журналы. Взяв в аренду типографию Московского университета, он продолжил издание «Московских Ведомостей» и наладил обширное книгоиздание. Новиков хотел сделать чтение ежедневной потребностью грамотного человека и в значительной степени достиг этого.

Характерно, что доходы от своих изданий Н. И. Новиков часто употреблял на благотворительные цели, в частности, для организации и содержания в Санкт-Петербурге частных народных училищ. Подобная просветительская деятельность была характерна и для И. Г. Шварца, который, будучи профессором Московского университета, в своих лекциях боролся со скептицизмом и неверием, способствуя религиозно-нравственному образованию русского юношества. С той же целью он создал при Университете Педагогическую семинарию — первое в России частное учебное заведение, готовившее учителей для народных училищ.

Но даже в лучшей своей поре, подчеркивает Ведерников, масонство все же было отклонением от Православной Церкви, враждебным ей направлением религиозно-общественной мысли, поскольку вытекало не из откровенного христианского учения, а из природных свойств самого человека и, следовательно, имело естественную человеческую почву. Оно безразлично относилось к вероучению христианства и потому с течением времени встретило против себя сильную оппозицию в Церкви (а в дальнейшем подверглось преследованиям и со стороны государственной власти).

Значительное место в курсе Ведерникова занимают анализ и религиозная оценка жизни и творчества русских поэтов Г. Р. Державина, В. А. Жуковского и А. С. Пушкина. Он отмечает в их творчестве проповедь идей правды, справедливости, закона, долга, бессмертия души. Так, Державин своим талантом воздействовал на ту часть общества, которая под влиянием «просвещения» охладела к Матери Церкви, утратила восприимчивость к церковному слову, но еще сохраняла способность к восприятию эстетическому. И поэт в тонкой и художественно-образной форме проповедовал этому обществу религиозные истины. Также и творчество Жуковского, окрашенное особым романтическим настроением, дотоле неведомым русскому обществу, имело высшей целью напомнить через поэзию о высоте, святости и обязательности религиозных истин.

Еще больше внимания в своем курсе лекций по истории русской религиозной мысли Ведерников уделяет гению русской литературы — Александру Сергеевичу Пушкину, который, отдав юные годы своей жизни «кипению страстей», а затем испытал увлечение байронизмом, в зрелости преодолел

богословствования, основанного на синтезе теории и практики, на объединении догматики с примерами опытного переживания догматов, с указанием путей к их нравственному выражению в жизни верующего человека. Но Хомяков, выясняя принципы католичества и протестантства в их отношении к Православию, усматривал в педагогическом рационализме макарьевской догматики принципиальный рационализм западного происхождения, в чем был прав лишь наполовину.

Мы знаем, что движение религиозной мысли — от школьных упражнений в умственном познании истин православной веры к опытному их постижению — развивалось медленно и теперь не может считаться ни законченным, ни получившим достаточной силы. Но ясно одно, что только опыт подлинно христианской жизни может служить основой истинного Богопознания. Чтобы догматические определения, усвоенные в школе, стали достоянием не одного ума, но и сердца, необходимо дополнить их указанием способов их опытного, то есть нравственного, переживания.

Хомяков, живший в (Церкви) составе Церкви, ощущавший ее неисчерпаемые духовные сокровища, не мог не заметить того, что эти сокровища не находили выражения в традиционном богословствовании наших церковных учителей. Жизнь в любви развивалась сама по себе, находя опору в Слове Божиим, а вероучение школьное оставалось разобщенным с этой опытной жизнью и, будучи неподвижным, казалось безжизненным и отвлеченным.

Хомяков первый подвел нашу религиозную мысль к живому источнику духовного опыта, и в дальнейшем эта мысль ожила. В этом и состоит его значение в истории русского религиозного сознания.

<i>Е. С. Полищук. А. В. Ведерников и его курс истории русской религиозной мысли</i>	3
В начале пути	39
РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I	42
Стефан Яворский	45
Феофан Прокопович	53
И. Т. Посошков как религиозный мыслитель	64
Судьба И. Т. Посошкова	67
Полемическая противораскольническая литература и взгляд И. Т. Посошкова на раскол	78
Полемика И. Т. Посошкова с расколом. «Зерцало очевидное на раскольников обличение»	90
Полемика И. Т. Посошкова с иноверием	104
НАПРАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНО-УЧИТЕЛЬНОЙ МЫСЛИ ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ	117
М. В. Ломоносов и его религиозное делание	128
Судьба М. В. Ломоносова	133
Творчество М. В. Ломоносова	152
РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II	166
Развитие идей новой философии на Западе и в России	169
Влияние французского Просвещения на русское общество	178
Представители церковно-учительной мысли	188
Гавриил (Петров), митрополит Петербургский	194
Платон (Левшин), митрополит Московский	196
Святитель Тихон, епископ Воронежский	206

РУССКОЕ МАСОНСТВО XVIII ВЕКА	212
Н. И. Новиков	225
РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА	236
Очерк жизни Г. Р. Державина	239
Поэтическая проповедь Г. Р. Державина	245
РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. А. ЖУКОВСКОГО	260
Судьба В. А. Жуковского и религиозное значение его призвания	261
Христианская философия В. А. Жуковского об истине	282
Христианская философия В. А. Жуковского о вере	293
А. С. ПУШКИН В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ	305
Первые впечатления жизни	314
Власть кумиров	326
Разоблачение кумиров	336
«И всюду страсти роковые...»	351
Преодоление демона гордости	360
Взгляд Никанора, архиепископа Херсонского, на Пушкина	369
МИСТИЦИЗМ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ	387
«Сионский Вестник» и борьба с мистицизмом	397
ПРАВОСЛАВНЫЙ МИСТИЦИЗМ	415
Митрополит Михаил (Десницкий)	415
Митрополит Филарет (Дроздов)	429
Мистические воззрения святителя	429
Митрополит Филарет (Дроздов) как богослов ..	441
Школа православного мистицизма	455
Старец Паисий (Величковский)	470
Русские ученики старца Паисия. Оптина Пустынь ..	495

ИСТОКИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА И ЗАПАДНИЧЕСТВА	506
И. В. Киреевский	515
Философские размышления И. В. Киреевского .	523
Личность А. С. Хомякова	543
Религиозная сущность души А. С. Хомякова ...	552
А. С. Хомяков как религиозный мыслитель	567
Богословские взгляды А. С. Хомякова	574
Учение А. С. Хомякова о Церкви	590
Учение А. С. Хомякова о Вселенской Православ- ной Церкви	594
Раскрытие или развитие христианской истины?	607

Духовно-просветительская литература

Анатолий Васильевич Ведерников

РЕЛИГИОЗНЫЕ СУДЬБЫ
ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ РУССКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редакторы *Е. Полищук, И. Черкесова*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректор *Т. Горячева*
Дизайн обложки *А. Семенов*
Верстка *М. Алимпиев*

Подписано в печать 11.06.2014
Формат 84×108 1/32.
Объем печ. л. 19,5 вкл. ч/б. (0,25 п. л.)
Печать офсетная. Тираж 3 000 экз.
Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви.
119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18.

Оптовый отдел реализации:
(499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35

e-mail: books@rop.ru

<http://www.rop.ru>